

Содержание

ISSN 2587-8190

Алексей Попович. «Путник» Иоанна Тобольского (Максимовича). <i>Частный человек на фоне сотворения империи</i>	129
Мария Начинкова. <i>Mise en abyme</i> в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	154
Екатерина Косова. К. К. Случевский и В. Ф. Ходасевич. <i>Генезис смежных образов и мотивов</i>	171
Владимир Турчаненко. Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы	189
Роман Тименчик. Нимфа Эхо у Ахматовой	210
Анна Алцибеева. Сценарий как законченное произведение. Повесть «Пикник на обочине» и сценарий «Машина желаний» А. Н. и Б. Н. Стругацких	232

2021 XVII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Летняя школа по русской литературе



2021 (2)

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnáá škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Alexey Popovich. John of Tobolsk (Maksymowicz)'s Journey. <i>A Private Person in the Background of the Creation of the Empire</i>	129
Mariia Nachinkova. <i>Mise en abyme</i> in Ivan Goncharov's Novel The Precipice	154
Ekaterina Kosova. Konstantin Sluchevsky and Vladislav Khodasevich. <i>Genesis of Related Images and Motives</i>	171
Vladimir Turchanenko. A Discussion About the Pushkin Encyclopedia in the 1930s	189
Roman Timenchik. The Nymph <i>Echo</i> in Akhmatova's Poetry	210
Anna Altsibeeva. The Scenario as a Completed Work. <i>Roadside Picnic</i> and <i>The Machine of Wishes Scenario</i> by A. N. and B. N. Strugatsky	232

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АЛЕКСЕЙ ПОПОВИЧ
(Екатеринбург)

«ПУТНИК» ИОАННА ТОБОЛЬСКОГО (МАКСИМОВИЧА)

Частный человек на фоне сотворения империи¹

Статья посвящена малоизвестному и недооцененному памятнику поэзии русского барокко — автобиографическому сочинению Иоанна Тобольского (Максимовича) «Есть путник из Чернигова в Сибирь» (1714). В статье обозначено особое место этого текста в истории русской литературы эпохи перемен (XVII–XVIII веков); показано органическое переплетение в нем переживаний частного человека и интересов строящейся империи. Соединение черт травелого и биографии, а также элементов лирического и государственного-публицистического характера отразилось на экспериментальной для своего времени художественной форме «Путника».

Ключевые слова: Иоанн Тобольский (Максимович), «Путник», империя, Строгановы, травелог, виршевая поэзия, Петровская эпоха.

Информация об авторе: Алексей Игоревич Попович, магистрант, лаборант-исследователь лаборатории эдичионной археогрaфии Уральского федерального университета. Екатеринбург, Россия.

E-mail: alexeyropowich@mail.ru

John of Tobolsk (Maksymowicz)'s *Journey* *A Private Person in the Background of the Creation* *of the Empire*

The article is devoted to a little-known and underestimated monument of Russian Baroque poetry — the autobiographical work of John of Tobolsk (Maksymowicz) *The Journey from Chernigov to Siberia* (1714). The article defines the significant place of this text in the history of Russian literature of the Era of Change (17th–18th centuries), shows the organic interweaving in it of the experiences of a private person and the interests of the emerging empire. The combination of travelogue and biography traits, as well as elements

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «“Культура духа” vs “Культура разума”: Интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»).

of a lyrical and state-publicistic nature, was reflected in the artistic form of *Journey*, which was experimental for its time.

Key words: John of Tobolsk (Maksymowicz), *Journey*, empire, Stroganovs, travelogue, syllabic poetry, Petrine era.

About the author: Alexey Popovich, graduate student, laboratory researcher of the Laboratory for the Study of Primary Sources at Ural Federal University. Yekaterinburg, Russia.

E-mail: alexeypopowich@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-2-129-153

Святонравный человек и философ книгам,
правитель Христове вере и ревнитель
апостольским преданием.

С. У. Ремезов. Служебная чертежная книга

Митрополит Тобольский и вся Сибири Иоанн (Максимович) (1651–1715) является в полном смысле слова писателем переходного времени: его творчество, уходящее корнями в малороссийское барокко второй половины XVII века, пришлось на самый расцвет Петровской эпохи. Наиболее лирическим из оригинальных¹ сочинений автора можно считать «Путник» (полное название — «Есть путник из Чернигова в Сибирь», 1711). Как и многие другие произведения Максимовича, он написан силлабическими стихами, тринадцатисложником — едва ли не самым популярным стихотворным размером в это время.

Публикация этого автобиографического текста (по сути, дневника-travelога в виршах), рассказывающего о поездке бывшего черниговского архиепископа в Тобольск для исполнения обязанностей митрополита, была осуществлена в 2012 году А. Е. Жуковым² на основе неопубликованного приложения к кандидатской диссертации выпускника Московской духов-

¹ Перу Иоанна Тобольского (Максимовича) принадлежит ряд переводных сочинений: «Феатрон, или Позор нравоучительный» (1708), «Царский путь креста Господня» (1709), «Илиотропион» (1714); сборники житий и толкований: «Алфавит» (1705), «Богородице Дево» (1707) и др.

² *Иоанн (Максимович), свт. «Путник»* — автобиографическое сочинение святителя Иоанна (Максимовича) / Подг. к публ. А. Е. Жуков // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2 (25/26). С. 5–115; № 3/4 (27/28). С. 53–130. Далее ссылки на текст «Путника» приводятся в тексте статьи по данному изданию с указанием в круглых скобках номера журнала и цитируемых страниц.

ной семинарии иеродиакона Серафима (Шлыкова).¹ В Российской национальной библиотеке² хранится единственный известный на сегодняшний день список «Путника», который иногда считают автографом Максимовича,³ для чего нет достаточных палеографических оснований. С уверенностью можно говорить лишь о том, что рукопись создана не позже 1731 года. К этому времени относится первая владельческая запись:⁴ «Сия книга Енисейскаго Томскаго монастыря нарекая «Путник» Иоанна, митрополита Черниговскаго,⁵ 1731 году». Речь идет о Енисейском Спасо-Преображенском монастыре, находившемся достаточно далеко от Тобольска (каким образом рукопись попала именно туда — отдельный вопрос).⁷ В то же время филигранные на бумаге относятся к последнему десятилетию XVIII века,⁸ что вызывает еще больше вопросов к такой поздней относительно времени создания «Путника» датировке.

Сомневаться в авторстве самого текста, однако, не приходится: «Путник» написан от первого лица, в нем много точных биографических подробностей, и ему присуща сама

¹ *Серафим (Шлыков), иеродиак.* Святитель Иоанн Тобольский и его богословское наследие: Дисс. ... канд. богословия. Загорск, 1985.

² ОР РНБ. Q.IV.375. «Путник» Иоанна Тобольского. Нач. XVIII века; полуустав; бумага 4°. 156 л.

³ См., например, в: *Ромодановская Е. К.* Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиереев // История литературы Урала. Конец XIV–XVIII век: Монография / Глав. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. М., 2012. С. 224.

⁴ Эту запись протоиерей Борис Пивоваров не критически принимает за датировку самой рукописи: *Пивоваров Б., прот.* Краткие сказания о начале православного просвещения Сибири, об Абацацкой иконе Божией Матери и о сибирских святых // Богословский сборник Новосибирской православной духовной семинарии. 2017. Вып. 11. С. 56, прим. 1.

⁵ Автор записи обнаруживает некоторую неосведомленность, называя бывшего архиепископа Черниговского митрополитом. В то же время не ясно, почему Максимович не назван митрополитом Тобольским, что было бы гораздо корректнее.

⁶ ОР РНБ. Q.IV.375. Л. III об.

⁷ Дальнейшая история бытования рукописи не менее интересна: еще в последней четверти XVIII века ее читал архимандрит Енисейского монастыря Амвросий, а уже через сто лет она попадает в крестьянскую среду. Описание записей см. в публикации: *Иоанн (Максимович), свт.* Автобиографическое сочинение. № 1/2. С. 6, 8–9.

⁸ См. описание водяных знаков: *Иоанн (Максимович), свт.* Автобиографическое сочинение. № 1/2. С. 6.

поэтическая манера Максимовича. В связи с наличием единственного списка и нерепрезентативностью правки текста¹ неизвестной остается и текстология сочинения: подвергалось ли оно редактированию, переписыванию на беловик и т.д.

Исследователи только начинают обращаться к этому литературному памятнику, касаясь отдельных его аспектов: жанровой специфики,² проблемы соотношения «своего — чужого»,³ уточнения биографии подвижника.⁴ С. И. Николаев в порядке сравнения упоминал «Путник» в связи с племянником Иоанна Максимовича — писателем И. П. Максимовичем, указав на «неудержимую страсть к печатному станку его дяди, слывшего уже среди современников графоманом».⁵ Так, в 1708 году Дмитрий Ростовский писал Стефану Яворскому о стихотворном толковании Максимовича «Богородице Дево» (1707): «Книга вѣршов печатних прислана мнѣ: Бог дал тѣм вѣршописом друкарню и охоту, и денги, и свободное житие. Мало кому потребныи вещи на свѣт происходят».⁶

Поэтическое наследие автора действительно насчитывает десятки тысяч стихотворных строк, неоднородных по своему качеству, однако в этом горниле и рождалась русская поэзия Нового времени. К творчеству Максимовича прикрепилась высказанная им самим в сочинении «Богородице Дево» (1707) формула: «Не новое аз пишу, з святых собираю <...> слово

¹ Лишь отдельные слова или части слов в рукописи вписаны над строкой основным почерком, в одном случае текст записан на заклеенной вержированной бумагой части текста; также публикатором фиксируются два незначительных присутствия чужого почерка.

² Шильникова Т. В. «Путник» Иоанна Максимовича митрополита Тобольского как жанровая модификация путевой литературы XVIII в. // Дергачевские чтения — 2018: Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: Материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург, 2019. С. 90–97.

³ Посохова Л. Митрополит Иоанн (Максимович) про «свое» та «чуже» в автобіографічному творі «Подорожній» (1711 р.) // Харківський історіографічний збірник. 2016. Вип. 15. С. 218–227.

⁴ Пивоваров Б., прот. Краткие сказания... С. 51–118.

⁵ Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 393.

⁶ Дмитрий Ростовский. Письмо 4 Стефану Яворскому (24 февраля 1708 г.) // Федотова М. А. Эпистолярное наследие Дмитрия Ростовского: Исследование и тексты. М., 2005. С. 142.

многими рифмами расширяю».¹ «Путник» написан с той же установкой, однако в нем гораздо сильнее акцентированы собственные рассуждения, ощущения, бытовые подробности и т. п. Произведение опирается на традиции древнерусской литературы, поэтому в нем особенно важно соотношение индивидуального начала, подробностей, относящихся к личности художника, и «литературного этикета», топосов. С этой же проблемой сталкиваются, например, исследователи биографии Иоанна Максимовича,² которая тоже в известной степени идеализирована: большинство биографических сочинений второй половины XIX — начала XX века было написано с ориентацией на житийную традицию и с установкой на создание образа праведника.³ В 1916 году тобольский митрополит был прославлен в лике святителей, став «последним царским святым».⁴

Просветительская и богословская деятельность Максимовича была действительно примечательна. Будущий видный интеллектуал родился в семье шляхтича в 1651 году в Нежине, крупном торговом центре. Его семья находилась под прямой протекцией гетмана Ивана Мазепы (именно он сыграет роковую роль в «сибирском повороте» судьбы Максимовича). Максимович учился в Киево-Могилянской академии и был оставлен там преподавателем латыни, поэтики и риторики; в 1675 году он принимает монашеский постриг и служит проповедником в Киево-Печерской лавре. В 1697 году Максимович становится архиепископом Черниговским, и этот период стал для него наиболее плодотворным: в 1700 году он основал Черниговскую духовную семинарию

¹ Цит. по: *Николаев С. И.* Максимович Иоанн // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 267.

² Основные обстоятельства биографии Максимовича изложены в словарной статье: *Бусыгин В. В., Пивоваров Б., прот., Э. П. Б., Софронова М. Н.* Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и всея Сибири // *Православная энциклопедия.* М., 2010. Т. 23. С. 219–230.

³ См. об этом: *Шильникова Т. В.* Репрезентация древнерусской житийной традиции в биографических произведениях об Иоанне Тобольском: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.

⁴ Ср. название одной из последних на данный момент биографических книг о Максимовиче: *Фомин С. В.* Последний царский святой: Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Житие. Чудеса. Прославление. Служба. Акафист. СПб., 2003.

как подготовительное училище для Киево-Могилянской академии. В Болдинском монастыре в Чернигове Иоанн открывает типографию, в которой были изданы почти все его сочинения, созданные в последующее время.

Потребность публиковать свои многочисленные труды была обеспечена не только материальными возможностями, на что небезосновательно указывал Димитрий Ростовский, но и осознанием значимости собственного труда. В «Путнике» Максимович пишет: «Токмо не подобает во празности жити, / Долженствует всяк к трудом руку приложити» (№ 1/2. С. 23). Рассуждения о пользе, необходимости труда и равно больших и малых дел все чаще входили в идейный контекст эпохи перемен (XVII–XVIII веков). Уезжая в Тобольск, Максимович переживает о своих неопубликованных сочинениях, пишет, что ему будет стыдно, если они не обретут читателя:

Много оставых писаний, к типу зготованных,
Не вем, аще увижу к чтению изданных.
Кая мы полза будет, егда вся под спудом
Покровенны пребудут? Покриюся студом (№ 1/2. С. 83).

В вашу типографию, елико велите,
Молю, печатать книги вы благословите.
Не моя, ваша будет превелия слава,
По земной митре примет венец ваша глава (№3/4. С. 122).

О своих богословских и душеполезных сочинениях Максимович прямо пишет, что они «всякому чину в пользу без мери приличны» (№ 1/2. С. 84). За словом «чин» в данном контексте стоит не столько иерархическая, сколько социальная, распространяющаяся на все сословия трактовка: автор предполагает, что его сочинения принесут пользу всякому человеку, взявшемуся их читать.

Максимович явно намеревался опубликовать и свое автобиографическое произведение «Путник», однако перед его смертью из печати успело выйти лишь подготовленное ранее переводное сочинение в пяти книгах — «Илиотропион» (1714). Можно предположить, что автор не успел подготовить «Путник» к изданию и в силу того, что текст оставался периферийным по отношению к его основному творчеству: хотя он и предназначался для оставленной Максимовичем черни-

говской паствы, его польза для чтения явно требовала дополнительного обоснования. Вместе с тем «Путник» отчетливо ориентирован на читателя: частотны обращения к большой черниговской аудитории, которой, по мнению Максимовича, может быть безразлична его дальнейшая судьба:

Граждане Чернегова, в здравии живете,
Множае мене, грешна, лица не узрете.
Даруй вам, Христе Боже, пастыра бодренна,
В благодати Божией, в любви умноженна.
От мала до велика прошу прощения,
Желаю вам от Бога всем благословения (№ 3/4. С. 127).

В то же время более конкретными адресатами «Путника» были государь и Бог, по воле которых автор осуществляет поездку: «Аще бы сия не от Бога, / И в Сиберы сподобит небесна чертога» (№ 1/2. С. 33). После суда над гетманом Мазепой черниговскому архиепископу не удалось избежать обвинений в близких связях с ним,¹ и, несмотря на расположение Петра (обеспеченное, в частности, сравнительно многочисленными посвященными ему панегирическими сочинениями),² Максимович был отправлен в своего рода почетную ссылку в Тобольск (грамота царя от 31 января 1711 года).³

Максимович начинает путь в феврале и, преодолев более 3000 километров, добирается до Тобольска через полгода. Это было в основном речное путешествие, наполненное самыми разнообразными событиями и препятствиями, рассказывать о которых подробно Максимович не считает зазорным, хотя

¹ Вина Максимовича косвенно подтверждалась участием в заговоре Мазепы, его братьев и племянников. Об этом см.: *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Жизнь и путешествие Ипполита Вишенского // Ипполит, пером. Пелгримация, или Путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709 / Подг. С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. М., 2019. С. 151–153 («Литературные памятники»).

² Подробнее о них см.: Обзор произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в. Часть первая // Панегирическая литература Петровского времени: Исследование и тексты / Изд. подг. В. П. Гребенюк. Под ред. О. А. Державиной. М., 1979. С. 54–62.

³ Есть и другая, гораздо менее правдоподобная версия причины этого назначения: якобы Петр был благодарен Иоанну за написанный им «Синаксарь в честь и славу Господа Бога Саваофа о преславной победе под Полтавою» (1710).

и постоянно оговаривается, если уделяет чему-то излишне много слов. Речь идет не о той самоуничижительной традиции, которая была привычна для древнерусского книжника, скорее наоборот: центром повествования становится сам автор. Максимович достаточно четко определяет предмет своего сочинения: однажды увлекшись душеполезными виршами, он вдруг одергивает себя, говоря, что ему «слово предлежит о себе писати», и возвращается к размышлениям о взволновавшей его ссылке:

Но мне слово предлежит о себе писати.
Почто государь царь Петр изволил послати,
Возвавши из Чернегова словом милостивим,
В далечайшую страну и добру милостивым (№1/2. С. 31).

Как бы не был велеречив и осторожен в формулировках Максимович, ему не удастся скрыть своего недовольства сложившейся ситуацией и личной обиды на Петра и экзарха Стефана Яворского. Он переживает смешанные чувства, и одновременно испытывает возможности поэтического языка, основанного на топосах предшествующей литературы, но приспособляющегося говорить об индивидуальных, а не типических эмоциях:¹

Но увы мне, оскорблен премного до зела,
Не вем, кая кончина будет моего дела (№ 1/2. С. 17).

Яко человек, слезно всегда въздыхаю,
Чернегова отчужден, сим выни не знаю.
Или не бех достоин ли нечто согреших?
Коя ради выни Чернегов оставых? (№ 1/2. С. 50).

Максимович не знал, что не вернется в Чернигов, хотя и мог подозревать, что вызов в столицу не сулит ему ничего хорошего. Остается только догадываться об этапах воплощения замысла «Путника»: создавая большую часть произведения в пути, Максимович едва ли начал писать его в Чернигове, хотя он искусно перемежает в тексте печаль и слезы

¹ Об эмоциональности и других способах самоописания монашествующих авторов см., например: *Маркер Г.* Из глубины молчания: в поисках контуров монашеского Я «долгой» Петровской эпохи (1680–1720-е) // Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века: Сб. ст. / Под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М., 2019. С. 60–88.

с хлопотами в преддверии отбытия в Москву. Он не рискует высказывать читателю предположения о причинах ссылки, по-видимому, не желая об этом распространяться или не считая это достойным обсуждения. В этом проявляется специфика авторской телеологии переходной эпохи: даже в автобиографическом, насыщенном бытовыми подробностями тексте Максимович остается духовным писателем — он стремится ограждать письменное слово от бесполезных рассуждений и воздействовать через него на действительность. Слово, в его представлениях, способно умиловить не только разгневанного государя (хотя бы на косвенное внимание которого к своему тексту автор не может внутренне не рассчитывать), но и Бога. В ряд обращений к Господу попадают молитвы как о благополучном исходе путешествия, так и о военных успехах России:¹ «И не престану писать, дондеже услышу / Бесурманской державе искоренение» (№ 3/4. С. 81). Текст ни много ни мало диалогизируется: в порыве творчества Максимович вкладывает в уста Бога слова с гарантиями поддержки Петра, сохранения его царства в мире и тишине:

Сохраню царство твое в мире и тишине,
Поспешество узриши во всякой године.
Управлю царство твое от ныне до века,
Покору ты под нозе всяка человека (№ 1/2. С. 16).

В этом сложноорганизованном произведении Максимович предстает как частный человек, лицом к лицу столкнувшийся с пространством империи и пытающийся убедить себя в необходимости исполнения своей миссии в Тобольске, несмотря на свою немощь, внутреннее нежелание уезжать столь далеко и надежду на возвращение в Чернигов. Стихи наполнены внутренними сомнениями, автор приоткрывает читателю свои раздумья над возможными вариантами собственных поступков (безропотно ехать или просить о возвращении):

Мое — повеление царско исполнити,
Царскому величеству всем благодарити

¹ Автору так и не довелось встретиться с царем в Москве (он рассчитывал, что ему удастся лично повлиять на его решение), поскольку тот уехал на войну (неудачный Прутский поход 1711 года против Османской империи).

Или побыти чолом, да мя во Чернегов
Возвратить изволит. На сие бе готов
И за метрополию зело благодарен,
Як многоценным даром всячески обдарен.
Но немощнии силы мои устрашают,
Неудобства многии бедну приношают (№ 1/2. С. 87).

В определенном смысле эти обстоятельства повлияли на концепцию личности писателя раннего Нового времени, транслируемую им самим через свой текст. Е. К. Ромодановская справедливо считала, что к созданию «Путника» Максимовича подтолкнуло «ощущение перелома отношения власти к прежнего типа сочинениям и переводам».¹ Важно при этом не только то, что Максимович решается зафиксировать свое путешествие и сформулировать определенное высказывание в виршевой форме, но и то, каким именно он стремится представить итоговый текст, чтобы тот был воспринят читателями так, как он рассчитывал. Современники автора, осуждавшие его за многословие, вряд ли бы приветствовали издание столь нетипичного сочинения, чтение которого к тому же приносило не очень много пользы (по меркам литературной традиции того времени).

Надо полагать, Максимович и сам не вполне осознавал цель написания «Путника», в нем заметны «швы» множества авторских стремлений, заложенных в текст, необычайная разнородность предметов изображения. Перелом происходил во всех сферах жизни, и писатель должен был задавать себе следующие вопросы, формировавшие текст «Путника»: о чем достойно писать если не ссыльному, то во всяком случае провинившемуся перед Богом и государем церковному писателю? какое место он вправе отвести собственному мнению о принятом государем (в соответствии с Божьей волей) решении? чего ему ждать от незнакомых мест и людей? Последний вопрос, казалось бы, снимается указанием на промысел Божий, однако он в немалой степени волнует автора, никогда не бывавшего в этих местах и столкнувшегося там с лишениями и тревогами. Так, немало беспокоила Максимовича смерть, буквально

¹ Ромодановская Е. К. Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиреев. С. 224.

преследовавшая Федора — певчего из его свиты, — сначала едва не утонувшего, а через какое-то время убитого разбойниками и ставшего небесным покровителем своих спутников.

Для своего времени «Путник» был предельно личным текстом, отразившим переживания частного человека на конкретном отрезке его жизни.¹ Хотя это произведение сложно назвать лирическим в современном понимании, лирическое начало в нем все-таки присутствует, и примечательно, что автор сам выбирает поэтический язык в качестве языка автобиографии, саморефлексии и разговора с Богом, читателем и совестью. Это определит особый взгляд художника на реальность, в которой он совершает путешествие, повлияет на отбор тех деталей и событий, которые войдут в текст «Путника».

Сочинение Максимовича обнаруживает свою экспериментальную природу: оно не отвечает в полной мере требованиям какого-либо одного жанра и благодаря этому в него «попадает» гораздо больше, чем дозволено книжной традицией. Как травелог, тексту свойственно описание связанных с путешествием приготовлений, экстремальных ситуаций в пути, отдельных объектов наблюдаемой действительности. Однако «Путник» не стал открытием России: у автора не было задачи написать подробный путевой отчет или что-либо изучить. Не была его поездка и паломническим путешествием, по итогам которых обычно создавались многочисленные для этого времени сочинения священников о Святой Земле, ориентированные на определенный жанровый канон.² Максимович преодолевает саму жанровую номинацию «путника», так как не придает ей основополагающего для своего текста значения и пользуется ею скорее формально, ища соответствие своему материалу. В известной степени это дало автору большую творческую свободу — он пишет едва ли не для самого себя, по внутренней потребности. Текст прихотливо подчиняется

¹ Можно говорить об определенной взаимозависимости этого метода и того процесса, который А. М. Панченко назвал «превращением писателя в частное лицо» (см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 241).

² См., например: Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путники во Святой Град Иерусалим / С объяснит. к тексту примеч. архим. Леонида. М., 1874.

пространственному перемещению, но преодоление пространства соединяется у автора с преодолением сомнений и утверждением своего предназначения не только для христианского богослужения, но и для государственной службы.

Максимович не был «придворным» писателем и этим отличался, например, от Феофана Прокоповича: прославление светской власти в его текстах имело скорее дополнительный, чем самостоятельный характер. Это наблюдается и в «Путнике», в котором сильна панегирическая линия по отношению к петровским преобразованиям. Е. К. Ромодановская на материале «Илиотропиона» (1714) отмечает, что «для Иоанна важной была мысль о непостижимости воли Господа и необходимости подчиняться ей во всех жизненных ситуациях.¹ Эта тема вполне коррелировала с идеей дисциплины, которая так дорога была Петру I, строящему государство нового типа».² «Путник», несомненно, тоже детище эпохи строительства империи. Он вбирает в себя гигантское пространство, подробности жизни отдельных городов, пороки и достоинства их жителей, разнородность национального состава отдельных земель, завоевательные проекты Петра и т. д. Автор не скрывает как восхищения, так и страха перед неведомой Сибирью, хотя и храбрится, что не боится изгнания³ в «далеку страну»:

Не боюся в далеку страну изгнания,
Злогубительных словес, ни поругания.
Мир сей дом есть всем родний, аз един пребуду,
Аможе обрящуся, скорбети не буду (№ 1/2. С. 34).

Несмотря на то что Сибирь — тоже Россия и находится под властью государя, Максимович понимает ее инаковость и чужеродность. Он отмечает изменения обычаев с движением вглубь страны, на восток:

¹ В то же время в «Путнике» Максимович называет всех протестантов кальвинами и осуждает идею Кальвина о безусловном предопределении каждого верующего к спасению или гибели. Эта мысль коррелирует с его идеями о пользе труда и добрых дел.

² Ромодановская Е. К. Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиереев. С. 223.

³ Семантика этого слова с того времени не изменилась, что лишний раз говорит о том, как именно воспринимает Максимович свое новое назначение. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 136.

Далечайше без меры там разстояние,
Обычаев тамошних преумножение (№ 1/2. С. 87).

Неслучайно в Тобольской епархии Иоанн будет организовывать многочисленные миссии к сибирским народам, займется строительством новых храмов. Стремление обратиться в православие как можно большее число людей отразится и на характерных для конца XVII века проимперских высказываниях автора о «бусурманской» вере в других странах:

Да Тя, Бога, познают и с нами восхвалят,
Мерзску веру отвергут, житие исправят
Не точию в державе росска государя,
Многих стран самодержца, славна Петра царя —
Атаманску порту з всею державою
Поработит воскоре з многию славою (№ 3/4. С. 79).

Определение «росский государь, многих стран самодержец» предвосхищает титул императора. Когда речь заходит об освобождении Гроба Господня от турецкой неволи, Петр именуется Августом, при этом также подчеркивается, что военные победы способствуют расширению церкви:

Да Петр воцарится,	Царь наш прославится
В широкой державе,	Безконечной славе.
Приимет владычество,	Турецко властельство,
Август наречется,	Везде распространится,
В конец до конец ¹	Обладает. Венец
На главу возложит,	Честь Богу умножит,
Свободит плененных,	Приведет невредных
Во свою державу,	Турецку согрет главу.
Благоверна Ольга,	Ожидаеть долго
На турка победы,	Истребы следы,
Да возвеселится	Царь Петр, воцарится,
А церкви разширит,	Плененных разрешит.
«Буды, буды», — рцете	О сем все молете (№ 3/4 С. 80–81)

¹ Формулу «в конец до конец» можно рассматривать как вариант т.н. «империльной формулы» (термин Л. В. Пумпянского), имеющей большую предысторию в панегирическом жанре. Об этом, в т. ч. в связи с другим сочинением Максимовича, см.: *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 420–421.

Немногочисленные шестисложные стихи в «Путнике», вероятно, призваны выделять особо значимые мысли.

Максимовича мало интересует география, хотя он старательно фиксирует почти каждую новую реку, по которой плывет, и едва ли не каждый населенный пункт, в котором останавливается, — с неподдельным интересом он обращает внимание только на то, что сообразно его настроению, образу мыслей, а также оказанным ему благодеяниям и их размерам. Неожиданный «этнографический» интерес у него вызывает множественность названий высоких камней по берегам уральской реки Чусовой:

Ины камни многи, но комуждо ино
 Возложено имя, а все суть едино
 Камень пребывают и суть недвижимы,
 Но проименуются именами сими:
 Камень Мяккий, ин Шайтан, ин Великий камень,
 Невозможно исчести их различных имен.
 Ины именуются Кавинские горы,
 Аки грады шероки и красные дворы... (№ 3/4. С. 59)

В том же духе Максимович пытается определить происхождение названия реки Камы:

Откуда наречеса Кама, камо течет?
 Кто долго zde поживе, той известно речет.
 Аз, странний и пришлец, не бывал на Каме,
 Известете мне, странну, лучше весте самы.
 Мню, яко от камене, но не вем якого,
 Аз не выдох бо, як Кама, широкаго.
 Каменистих гор премного от одной страны,
 Не бывають людскими попраны ногами.
 Аще камень, но плоды многие приносят,
 Там шведи, копающе медь, чело оросят.
 <...>
 Благословенна река, приносяща плоды
 Царю Петру московску (№ 1/2. С. 101).

Первая его версия: остроумная игра словами «Кама» и евангельским «камо». Другой вариант — связь с каким-либо камнем. Не преминул Максимович и возможностью объяснить топоним добычей руды и многих других «плодов», которые Кама приносит государю. Однако если его не менее

талантливый современник, тоболяк Семен Ремезов пишет «Похвалу Сибири»,¹ то Максимович явно не настроен воспевать неведомый ему доселе и чуждый край. Скорее он готов написать похвалу Каме и всему Прикамью, чего, например, не делает относительно Волги, по которой он плыл тоже очень долго. На это были свои причины, и дело не только в этикетно-формульном характере его стихов: по-видимому, Максимович удивлен силой и богатством т. н. строгановского региона, где его принимают с не меньшим, а то и с большим гостеприимством, чем в центральной России. Он сравнивает Каму с Иорданом и Нилом (№ 1/2. С. 93) и называет ее «предоброй матерью», отмечая различные детали (равномерную глубину реки у берегов, горы, похожие на строения и т. п.):

Кама нам изъявися предобрая мати,
Не стыждуся нимало так ю нарицати.
<...>
Як ю мею хвалити, что чтущим подати,
Что в ней обретається, что о ней писати?
Водою избыльна, до зела шерока,
Не точию посреде, но и в берегах глубока.
На сажень от берега шестом не досягнет,
Аще и обе руки излишне растягнет.
Окрест ея високо предивние горы,
Разселины при них суть як строены двory
(№1/2. С. 87, 88–89).

Последовательно Максимович перечисляет и благодарит своих благодетелей, снабжающих его продовольствием и другим необходимым во время путешествия. Особенно он хвалит именитого человека Г. Д. Строганова, представителя рода крупнейших купцов-промышленников и землевладельцев, наследника всех строгановских вотчин, известного всей России: «Везде бо его имя славят, величают, / По многих обителех молят, восхваляют» (№ 3/4. С. 53). Частная инициатива, предпринимательство и коммерческий интерес были тесно сопряжены у Строгановых с государственным интересом, и Максимович хорошо это понимал, в частности, развивая тему преданного служения Петру:

¹ *Дергачева-Скоп Е. И.* «Похвала» Сибири С. У. Ремезова // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1965. Т. 21. С. 266–274.

И сохрани и цела, в благополучестве,
Умножая его и сохраняя в державе.
И при нем его раба верна подножие —
Григория Строгана, добро служение
Всеусердно творяща и угождающа,
Чада своя царевы в службу готовяща (№ 1/2. С. 109).

Строгановы подчеркивали, что ничего не требуют назад за оказанную помощь (в дальнейшем это было зафиксировано в знаменитой формуле, начертанной на гербе рода: «Feram opes patriae, sibi poenam» — «Отечеству — богатство, себе — имя»), и Максимовичу импонировала их благотворительность: «А мне тягостно зело, нечим бо воздати, / И они не требуют» (№ 1/2. С. 110). Так, находясь в Прикамье, он одобрительно относится к богатству местного осинского монастыря, которое, по его убеждению, в значительной мере связано с деятельностью Строгановых: «Ибо от монастыря, Строганом строенна, / Ина нигде на Каме не сооруженна» (№ 1/2. С. 104). На Украине среди магнатов было распространено своего рода меценатство, особенно в отношении творческих церковных деятелей. Насколько эта культура была развита в России, судить трудно, но известно, например, восхищение, которое вызывала необычайная щедрость Строгановых в церковном строительстве и культурном развитии уральского региона, о которой знали далеко за его пределами.¹

Неслучайно Максимович, в черниговский период своей жизни привыкший получать помощь от богатых людей в каменном церковном строительстве,² обратится к Петру с прямым указанием, видя недостатки в церковных строе-

¹ Оценить масштабы этой деятельности позволяет работа: Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края: [Сб.]. Пермь, 2017.

² Наиболее весомую поддержку черниговскому строительству оказывал генеральный обозный Войска Запорожского В. К. Дунин-Борковский, жизнь которого обросла мрачными легендами, что повлияло на прижизненную репутацию Иоанна Максимовича. См. об этом: *Шевченко Ю. Ю.* Абалацкая икона Богородицы и коллизии жития свт. Иоанна Тобольского (Максимовича) // Сибирский сборник — 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. 2 / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. С. 7–20.

ниях в Тобольске, ставя ему в пример царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича:

Помяни, государю, предостойна брата
Федора и царя, честнейша над злата,
Во блаженной памяти благословением,
Отца своего славна благоволением,
Веле церковь строити каменну, ограду
Архиереем, zde жившим в нуждах, во отраду
(№ 3/4. С. 117).

Показательно также, что Максимович сетует на то, что жители Тобольска приносят только «портища» и не исполняют в полной мере царского указа о поддержке нового митрополита:

Портищ много, а деньги никто не принесе,
О сем не простираю ни мала словесе.
Положил был некто рубль, и того отдано,
Понес з собою, к тому болей не видано.
<...>
По далечайшем пути чарки нам не дали,
Чим бы покрепиться, в прочих отказали.
И доселе милости ни в чем не являют нам
И царя Петра указу не исполняют (№ 3/4. С. 120).

Оттого столь обширна похвала ведущим себя совсем иначе Строгановым — это, пожалуй, самая объемная из всех похвал в «Путнике» Максимовича. Ему удастся охватить сразу несколько поколений этого рода:

Виват, виват, Боже,	Вспомагай, Госпоже.
Да Строганов примет,	Мзду трудов обыймет.
Григорий преславный,	В чести, славе давный
З Димитрием отцем,	Сиявшим, як слонцем,
С маленькими чады,	Як красными сады,
Процветут во славе,	Превознесут главы...
В небе и на земли. <...>	(№ 3/4. С. 56).

По степени литературной обработки образа и количеству перечисленных добродетелей похвала Г. Д. Строганову у Максимовича сопоставима разве что с похвалой, адресованной ему благодарным анонимным автором уникального сборника проповедей «Статир» (Прикамье, Орел-городок, конец XVII века). Показательно, что оба автора воспели

страннолюбие (гостеприимство) Строганова через сравнение с ветхозаветным Авраамом: «Григорий Строганов / Як Авраам нов» (№ 3/4. С. 57); «Поистинѣ бысть яко вторый страннолюбивый Авраамъ, новый Иовъ».¹

Еще одним благодетелем Максимовича, которому тот уделяет особое внимание в своем произведении, был казанский губернатор П. М. Апраксин. Автор желает ему не только небесной славы, но и земной («При земной славе будут в честы умноженны» (№ 1/2. С. 79)), осознавая важность его трудов для государя и создаваемой им империи. Максимович встречается с ним в самый разгар петровских реформ: в марте 1711 года Петр подписал указ об именовании главы Казанской губернии губернатором. Иоанн уже называет Апраксина на новый манер, желая государю других столь же достойных служителей: «Пошли государю царю таких служителей, / Праведных, незлобывых в грады правителей» (№ 1/2. С. 83). Благодарность Богу и губернатору Максимович ставит в один ряд, переплетая сакральный дискурс, направленный на общение с Богом, и дискурс светский, заключающийся в желании выразить благодарность:

Камское плавание должно известити,
 Богу, губернатору, — всем благодарствити.
 Божиим поспешеством спешно плавание
 Имехом, везде много бе нам даяние (№ 1/2. С. 74).

Г. Д. Строганов стоит в том же ряду достойных государевых служителей. Максимович много пишет о явлениях государственного масштаба, в частности транслируя идеи личного служения на благо строительства богатой и сильной империи, в которой он, митрополит, будет «привечен» сильными мира сего. Амбиций у самого Максимовича было достаточно много,² и как никто

¹ Цит. по: *Соболева Л. С.* «Предсказание» из рукописного сборника поучений «Статир»: автор и читатель в переходную эпоху // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии.* 2020. № 3 (31). С. 356.

² Так, недавние исследования показывают, что поездка черниговского иеромонаха Иполита Вишенского на Святую землю в 1707–1709 годах была спланирована и профинансирована гетманом Мазепой и Иоанном Максимовичем с целью создания независимой от России украинской православной церкви. Максимович был потенциальным кандидатом на должность украинского патриарха или киевского митрополита: *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Жизнь и путешествие Иполита Вишенского. С. 143–161.

другой он понимал, что за масштабными преобразованиями стоят отдельные деятельные личности. Наверняка в Строгановых Максимович видел один из возможных источников средств для своей обширной деятельности (в Тобольске он поддерживает, в том числе на собственные деньги, славяно-латинскую школу, основанную его предшественником Филофеем (Лещинским), приглашает преподавателей из Киева и Украины, занимается благотворительностью, в частности организуя богадельни). Осуществление церковными иерархами подобных благородных целей часто было просто невозможно без внешней поддержки.

Таким образом, личное в «Путнике» переплетается с имперским, общегосударственным; панегирические и биографические тенденции сосуществуют. Максимович пишет о большой ноге («Едно в телезе тесно, и язвы на нозе, / Яже ношах з собою во болезни мнозе» (№ 3/4. С. 101)), о нападении разбойников и страхе перед смертью («Смерть убо нам не страшна, но ответ ужасный, / Як живешь, глаголешь, всегда будь опасный» (№ 1/2. С. 69)), о нехватке продовольствия («Правда, отчина велика, / Людей многое число, но скудость толика» (№ 3/4. С. 104)), пьянстве среди певчих («Скачут, гудут, и шумят, и по вся дни пьяни» (№ 3/4. С. 116)), об истощенной казне — и одновременно воспекает Петра I и русско-турецкую войну и т.д.

Курьезно, но особое место в этом ряду занимают рассуждения о досаждавших Максимовичу во время путешествия комарах и мошках: их действиям в совокупности посвящено 135 стихотворных строк. В древнерусской литературе изображению животных традиционно было свойственно «религиозно-нравственное истолкование писателем явлений окружающей человека действительности»: ¹ через образы животных объяснялись и изображались пороки или добродетели человека. ² У Максимовича символическое соединяется

¹ Еще во второй половине XVII века это было характерно, например, для Афанасия Холмогорского: *Панич Т. В.* Литературное творчество Афанасия Холмогорского: «Естественнонаучные» сочинения. Новосибирск, 1996. С. 83.

² Эта тенденция, соединившись с рядом других, найдет свое продолжение в баснях более позднего времени. См.: *Образы насекомых в баснях XVIII–XIX веков // Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка: Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова.* М., 2020. С. 39–64.

с конкретно-реальным: он интерпретирует комаров и мошек как наказание, которое посылает ему Господь («О Господы Боже мой, не комарец, всяко / Животно ядовито пошли на ма, яко / Готова душа моя за грехи страдати» (№ 1/2. С. 77)), однако описывает их во всех красках как «ни к чему потребных существ», приносящих «едны пакости»:

Безчисленный комар в всяк час пребывает.
Не сам еден, мушечки з собою приводит.
Не веемы: в заключенны як в окошка входит?
Шумят, гудут, як поют, им видится сладко.
Пребывающим в суднах не бывает гладко:
Прогнати невозможно, нужно с ними жити,
В день и в нощи, на всяк час не дают почити.
Неразсудны до зела и в молитвы время
Налагают на тело претяжкое бремя.
Як несмысленны в судне везде прелетают.
Як трапезу представят, оны не престають
Досаждати, во уста дерутся и в очи,
Аще и прогоняют, ни един отскочи (№ 3/4. С. 66).

Столь детальное описание бытовых подробностей может говорить если не о самоиронии или стремлении автора позабавить читателя, то во всяком случае о намерении описать произошедшее во всех красках, вплоть до физиологически неприятного убийства комара: «Некого убыти, / И убывши, мерзостно персты скржавити» (№ 3/4. С. 66–67). Образы насекомых начисто лишены антропологизма, обращение к ним продиктовано конкретной ситуацией из жизни Максимовича. Он восстанавливает перед черниговским читателем зримые картины Сибири, опираясь на выразительные детали.

Государственно-публицистическое содержание, господствовавшее в русской поэзии второй половины XVII века, постепенно начинает дополняться лирическим и даже бытовым, будучи обусловлено динамикой авторского взгляда при отборе достойных литературы деталей и событий. «Путник» Иоанна Максимовича не в последнюю очередь сориентирован на сочувствие и интерес читателя и становится в конечном счете попыткой самооправдания и адаптации к сложившейся ситуации изгнания в Тобольск. В 1711 году Максимович, несомненно выступая транслятором имперских идей (в т.ч.

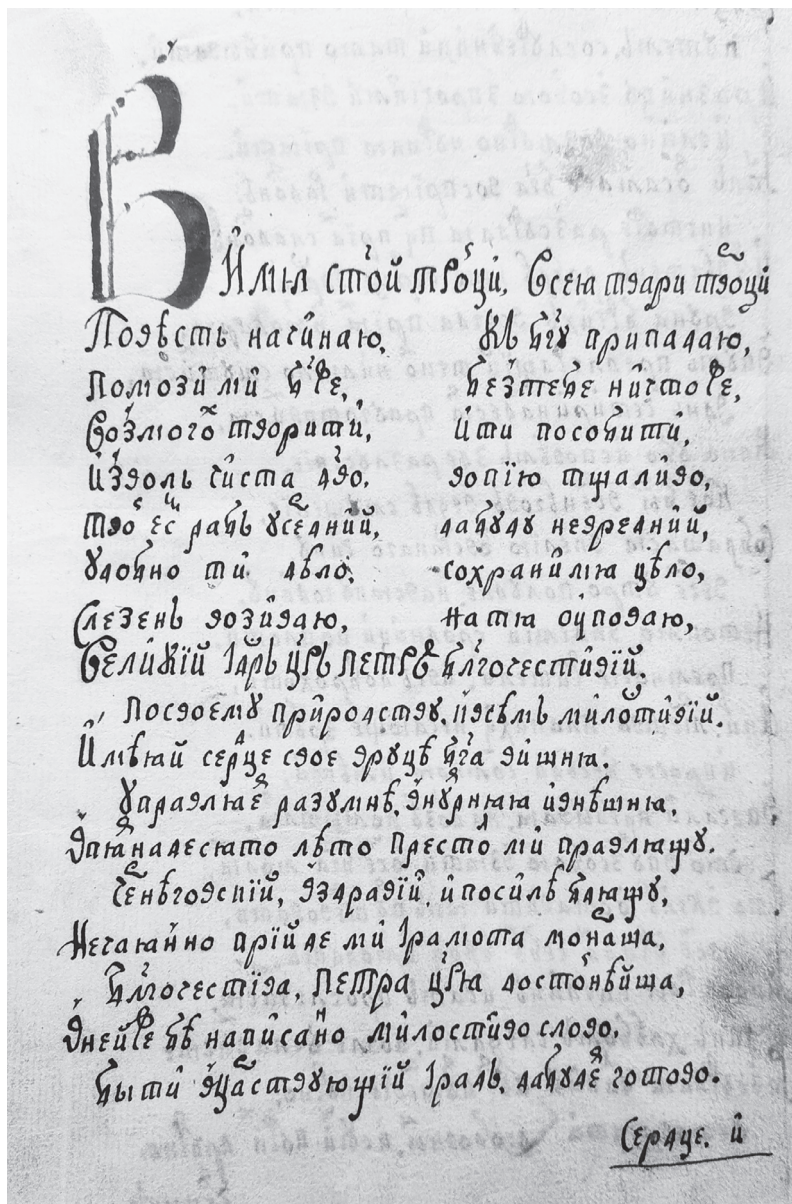


Рис. 1. ОР РНБ. Q.IV.375. «Путник» Иоанна Тобольского. Л. 1

частной инициативы в интересах большого государственного образования), вводит в поэтику русского барокко личные переживания, впечатления и стремления, открывая новые направления художественной рефлексии о человеке и судьбах мира эпохи перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бусыгин В. В., Пивоваров Б., прот., Э. П. Б., Софронова М. Н. Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и вся Сибири // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 219–230.
2. Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края: [Сб.]. Пермь, 2017.
3. Дергачева-Скоп Е. И. «Похвала» Сибири С. У. Ремезова // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1965. Т. 21. С. 266–274.
4. Маркер Г. Из глубины молчания: в поисках контуров монашеского Я «долгой» Петровской эпохи (1680–1720-е) // Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века: Сб. ст. / Под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М., 2019. С. 60–88.
5. Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 385–399.
6. Николаев С. И. Максимович Иоанн // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 266–267.
7. Образы насекомых в баснях XVIII–XIX веков // Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка: Коллективная монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. М., 2020. С. 39–64.
8. Обзор произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в. Часть первая // Панегирическая литература Петровского времени: Исследование и тексты / Изд. подг. В. П. Гребенюк. Под ред. О. А. Державиной. М., 1979. С. 43–95.
9. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Жизнь и путешествие Ипполита Вишенского // Ипполит, иером. Пелgrimация, или Путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709 / Подг. С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. М., 2019. С. 125–244 («Литературные памятники»).
10. Панич Т. В. Литературное творчество Афанасия Холмогорского: «Естественнонаучные» сочинения. Новосибирск, 1996.
11. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
12. Пивоваров Б., прот. Краткие сказания о начале православного просвещения Сибири, об Абалацкой иконе Божией Матери и о си-

- бирских святых // Богословский сборник Новосибирской православной духовной семинарии. 2017. Вып. 11. С. 51–118.
13. *Посохова Л.* Митрополит Иоан (Максимович) про «свое» та «чуже» в автобіографічному творі «Подорожній» (1711 р.) // Харківський історіографічний збірник. 2016. Вип. 15. С. 218–227.
 14. *Ромодановская Е. К.* Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиереев // История литературы Урала. Конец XIV — XVIII век: Монография / Глав. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. М., 2012. С. 215–224.
 15. *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
 16. *Серафим (Шлыков), иеродиак.* Святитель Иоанн Тобольский и его богословское наследие: Дисс. ... канд. богословия. Загорск, 1985.
 17. *Соболева Л. С.* «Предсказание» из рукописного сборника поучений «Статир»: автор и читатель в переходную эпоху // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 3 (31). С. 337–368.
 18. *Фомин С. В.* Последний царский святой: Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Житие. Чудеса. Прославление. Служба. Акафист. СПб., 2003.
 19. *Шевченко Ю. Ю.* Абалацкая икона Богородицы и коллизии жития свт. Иоанна Тобольского (Максимовича) // Сибирский сборник — 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. 2 / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. С. 7–20.
 20. *Шильникова Т. В.* Репрезентация древнерусской житийной традиции в биографических произведениях об Иоанне Тобольском: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.
 21. *Шильникова Т. В.* «Путник» Иоанна Максимовича митрополита Тобольского как жанровая модификация путевой литературы XVIII в. // Дергачевские чтения — 2018: Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: Материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург, 2019. С. 90–97.

REFERENCES

1. *Busygin V. V., Pivovarov B., prot., E. P. B., Sofronova M. N.* Ioann (Maksimovich), mitropolit Tobol'skij i vseya Sibiri // Pravoslavnaya enciklopediya. M., 2010. T. 23. S. 219–230. (In Russ.)
2. *Dergacheva-Skop E. I.* «Pohvala» Sibiri S. U. Remezova // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. L., 1965. T. 21. S. 266–274. (In Russ.)

3. *Fomin S. V.* Poslednij carskij svyatoj: Svyatitel' Ioann (Maksimovich), mitropolit Tobol'skij, Sibirskij chudotvorec. Zhitie. Chudesa. Proslavlenie. Sluzhba. Akafist. SPb., 2003. (In Russ.)
4. *Marker G.* Iz glubiny molchaniya: v poiskah konturov monasheskogo YA «dolgoj» Petrovskoj epohi (1680–1720-e) // Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve: Avtobiografika i pravoslavie v Rossii konca XVII — nachala XX veka: Sb. st. / Pod red. L. Manchester, D. A. Sdvizhkova. M., 2019. S. 60–88. (In Russ.)
5. *Nikolaev S. I.* Literaturnye zanyatiya Ivana Maksimovicha // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. L., 1985. T. 40. S. 385–399. (In Russ.)
6. *Nikolaev S. I.* Maksimovich Ioann // Slovar' russkih pisatelej XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2. K–P. S. 266–267. (In Russ.)
7. *Obrazy nasekomyh v basnyah XVIII–XIX vekov // Mir nasekomyh v prostranstve literatury, kul'tury i yazyka: Kollektivnaya monografiya / Otv. red. A. I. Smirnova. M., 2020. S. 39–64. (In Russ.)*
8. *Obzor proizvedenij panegiricheskogo sodержaniya pervoj chetverti XVIII v. Chast' pervaya // Panegiricheskaya literatura Petrovskogo vremeni: Issledovanie i teksty / Izd. podg. V. P. Grebenyuk. Pod red. O. A. Derzhavinoj. M., 1979. S. 43–95. (In Russ.)*
9. *Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N.* ZHizn' i puteshestvie Ippolita Vishenskogo // Ippolit, ierom. Pelgrimaciya, ili Puteshestvennik Ippolita Vishenskogo. 1707–1709 / Podg. S. N. Travnikov, L. A. Ol'shevskaya. M., 2019. S. 125–244 («Literaturnye pamyatniki»). (In Russ.)
10. *Panchenko A. M.* Russkaya stihotvornaya kul'tura XVII veka. L., 1973. (In Russ.)
11. *Panich T. V.* Literaturnoe tvorčestvo Afanasiya Holmogorskogo: «Estestvennonauchnye» sochineniya. Novosibirsk, 1996. (In Russ.)
12. *Pivovarov B., prot.* Kratkie skazaniya o nachale pravoslavnogo proshvshcheniya Sibiri, ob Abalakoј ikone Bozhieј Materi i o sibirskih svyatyh // Bogoslovskij sbornik Novosibirskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii. 2017. Vyp. 11. S. 51–118. (In Russ.)
13. *Posohova L.* Mitropolit Ioan (Maksimovich) pro «svoe» ta «chuzhe» v avtobiografichnomu tvori «Podorozhniј» (1711 r.) // Harkivskij istoriografichnij zbirnik. 2016. Vip. 15. S. 218–227. (In Ukrainian)
14. *Romodanovskaya E. K.* Literaturno-publicisticheskaya deyatel'nost' tobol'skih arhiereev // Istoriya literatury Urala. Konec XIV — XVIII vek: Monografiya / Glav. red. V. V. Blazhes, E. K. Sozina. M., 2012. S. 215–224. (In Russ.)
15. *Sazonova L. I.* Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya. M., 2006. (In Russ.)

16. *Serafim (Shlykov), ierodiak.* Svyatitel' Ioann Tobol'skij i ego bogoslovskoe nasledie: Diss. ... kand. bogosloviya. Zagorsk, 1985. (In Russ.)
17. *Soboleva L. S.* «Predskazanie» iz rukopisnogo sbornika pouchenij «Statir»: avtor i chitalatel' v perekhodnuyu epohu // Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii. 2020. № 3 (31). S. 337–368. (In Russ.)
18. *Shevchenko Yu. Yu.* Abalackaya ikona Bogorodicy i kollizii zhitiya svt. Ioanna Tobol'skogo (Maksimovicha) // Sibirskij sbornik — 1. Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopedel'nyh territorij. SPb., 2009. Kn. 2 / Otv. red. L. R. Pavlinskaya. S. 7–20. (In Russ.)
19. *Shil'nikova T. V.* Reprezentaciya drevnerusskoj zhitijnoj tradicii v biograficheskikh proizvedeniyah ob Ioanne Tobol'skom: Diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2009. (In Russ.)
20. *Shil'nikova T. V.* «Putnik» Ioanna Maksimovicha mitropolita Tobol'skogo kak zhanrovaya modifikaciya putevoj literatury XVIII v. // Dergachevskie chteniya — 2018: Literatura regionov v svete geo- i etnopoetiki: Materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Ekaterinburg, 18–19 oktyabrya 2018 g.). Ekaterinburg, 2019. S. 90–97. (In Russ.)
21. Vklad. Hudozhestvennoe nasledie Stroganovyh XVI–XVII vekov v muzeyah Sol'vychegodska i Permskogo kraja: [Sb.]. Perm', 2017. (In Russ.)